

2020/1 (89)

Восточная Православия

Заутреня службы Богоявления Господня в единоверческом храме Архангела Михаила
села Михайловская Слобода. 18 января 2020 года

ЛЕТОПИСЬ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

ДЕТСКИЙ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПРАЗДНИК В ХРАМЕ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА

На следующий день после праздника Рождества Христова, в день Собора Пресвятой Богородицы в общине единоверческого храма села Михайловская Слобода состоялся традиционный, двадцатый по счету, детский Рождественский праздник.

После окончания Божественной литургии (во время которой многие дети причастились Святых Христовых Таин) и трапезы учащиеся Воскресной школы храма Архангела Михаила под руководством Юлии Борисовны Ромашиной представили вниманию священнослужителей, родителей и гостей

праздничную программу, состоявшую из общего стихотворного сценария и песнопений, посвященных Рождеству Христову, исполненных всеми детьми. Также были представлены отдельные поэтические и музыкальные выступления.

Усердием родителей и педагогов Воскресной школы к празднику была приобретена и украшена замечательная новая елка.

После окончания выступлений всем юным участникам торжества были вручены Рождественские подарки.

РАБОТА СЕКЦИИ «СТАРЫЙ ОБРЯД В ЖИЗНИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ:
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ» XXVIII МЕЖДУНАРОДНЫХ
РОЖДЕСТВЕНСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЧТЕНИЙ

26 января 2020 года в Сергиевском зале храма Христа Спасителя состоялась церковно-историческая конференция в рамках работы секции «Старый обряд в жизни Русской Православной Церкви: прошлое и настоящее» XXVIII Международных Рождественских образовательных чтений. По многолетней традиции работу конференции возглавил член Комиссии по делам старообрядных приходов и по взаимодействию со старообрядчеством митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий. Почетными гостями и членами прези-

диума были епископ Бузулукский и Сорочинский Алексей и викарий Нижегородской митрополии епископ Балахнинский Илия. Куратором конференции был секретарь вышеназванной Комиссии, руководитель Патриаршего центра древнерусской богослужебной традиции протоиерей Иоанн Миролюбов.

Присутствующие ознакомились с десятью докладами, представлявшими широкую область научных интересов. Первые четыре доклада были посвящены богослужебному пению, уставу и его особенностям.

Президиум конференции
«Старый обряд в лоне Русской Православной Церкви: прошлое и настоящее»

Руководитель Общества любителей древнерусского пения во имя святителя Иова, головщик Покровского храма в Рубцове *Глеб Борисович Печенкин* представил краткий обзор современного состояния знаменного пения в Русской Православной Церкви, обозначив тенденции возрождения и развития древнерусских напевов в единоверческих и общеправославных приходах.

Настоятель храма Рождества Христова в Митине города Москвы, доцент Московской духовной академии *иерей Михаил Желтов* подробно рассказал о происхождении службы павечерницы, приведя много примеров из древних греческих и русских уставов.

Игумен Кирилл (Сахаров), настоятель Никольского храма на Берсеневке города Москвы в своем сообщении раскрыл некоторые особенности совершения Таинств крещения, покаяния и брака по старому чину.

Клирик Свято-Серафимовского храма Иваново-Вознесенской митрополии *протоиерей Сергей Гончаров*, окормляющий Казанскую единоверческую общину города Иваново, в своем докладе рассказал об исправлении служебников в середине XVII века.

Член Михаило-Архангельской общины села Михайловская Слобода Московской епархии, профессор, доктор политических и философских наук *Александр Гельевич Дугин* представил свое понимание философских аспектов единоверия, в особенности в современных условиях.

Представитель Казанской единоверческой общины города Иваново *Сергей Юрьевич Шеин* подробно проанализировал эпизод деятельности архиепископа Андрея (Ухтомского), связанный с принятой им попыткой воссоединения старообрядцев, уделив особое внимание каноническому и нравственному аспектам этого деяния.

Клирик Михаило-Архангельского единоверческого храма села Михайловская Слобода *протоиерей Евгений Саранча* представил доклад «История ходатайства о единоверческом епископе в 1905–1907 годы», который публикуется в настоящем номере нашего издания.

Настоятель храма святой равноапостольной царицы Елены в городе Витебске *иерей Сергей Ефременко* рассказал об истории единоверия и его современном состоянии в этом белорусском городе.

В конце конференции были две презентации — книги *Владимира Вячеславовича Басенкова*, руководителя Симбирского епархиального центра древнерусской богослужебной традиции, старосты Успенской единоверческой общины города Ульяновска «По следам сокрытой Руси» (наше издание сообщало о публикации книги в номерах 5–6 (87–88) за 2019 год) и документального фильма *Аполлинарии Честниковой «Устиния»*, повествующем об Устинии Григорьевне Андрияновой, внесшей неоценимый вклад в основание и развитие единоверческой общины города Куровское.

Через день, 28 января, в восстановленном здании Патриаршего центра древнерусской богослужебной традиции при Покровском храме в Рубцове города Москвы был проведен круглый стол по проблемам старообрядных приходов Русской Православной Церкви. Руководил дискуссией член Комиссии по делам старообрядных приходов и по взаимодействию со старо-

обрядчеством архиепископ Гомельский и Жлобинский Стефан, куратором круглого стола был руководитель Патриаршего центра протоиерей Иоанн Миролюбов. В заседании приняли участие священнослужители и миряне Русской Православной Церкви, которые обсудили вопросы современного бытия старообрядных приходов Русской Православной Церкви. Единодушно было поддержано предложение провести в наступившем году юбилейную конференцию, посвященную 220-летию учреждения Единоверия и просить благословения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на совершение памятного богослужения в Успенском соборе Московского Кремля. Были рассмотрены вопросы издательской деятельности единоверцев и совместные паломнические проекты.

При подготовке статьи использованы материалы Патриаршего центра древнерусской богослужебной традиции (сайт: oldrsc.ru)

ИСТОРИЯ ЕДИНОВЕРИЯ

«ХОДАТАЙСТВО О ЕДИНОВЕРЧЕСКОМ ЕПИСКОПЕ В 1905–1907 ГОДЫ»

ДОКЛАД КЛИРИКА ЕДИНОВЕРЧЕСКОГО ХРАМА
АРХАНГЕЛА МИХАИЛА СЕЛА МИХАЙЛОВСКАЯ СЛОБОДА
ПРОТОИЕРЕЯ ЕВГЕНИЯ САРАНЧИ НА КОНФЕРЕНЦИИ
«СТАРЫЙ ОБРЯД В ЛОНЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ:
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ» XXVIII МЕЖДУНАРОДНЫХ
РОЖДЕСТВЕНСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЧТЕНИЙ

История ходатайств о единоверческом епископе начинается еще до официального учреждения единоверия. Первая организованная попытка воссоединения большой группы старообрядцев с Велико-

российской Церковью, предпринятая в 1788 году иноком Никодимом и его стародубскими единомышленниками, имела в своей основе прошение, поданное на Высочайшее имя, в котором, в частности,

Справа — староста Покровско-Димитриевской единоверческой церкви города Санкт-Петербурга Григорий Иванович Сандин

говорилось о необходимости наличия архиерея для окормления присоединявшихся старообрядцев. Второй раз единоверцы просили для себя епископа у императора Александра I, при посещении им в 1824 году Уральского края. В третий раз подобное прошение рассматривалось в 1864 году при митрополите Московском Филарете (Дроздове). В 1890 году во время проведения Нижегородской ярмарки представители Всероссийского единоверия составили прошение о его нуждах, в том числе о даровании епископа.

Таким образом ходатайство единоверцев о епископе, предпринятое в 1905–1907 годах, стало пятым по счету. Об этом ходатайстве можно подробно прочитать в монографии священника Симеона Шлеева (будущего священномученика Симона Охтенского) «Единоверие в своем внутреннем развитии», впервые опубликованной в 1910 году и переизданной издательством

храма Архангела Михаила села Михайловская Слобода дважды, в 2004 и 2018 годах. Вторым источником подробных сведений о ходатайстве 1905–1907 годов являются публикации журналов «Правда Православия» и «Глагол Времен» за 1906 год, издателем которых был также отец Симеон Шлеев. Этот же вопрос подробно рассматривался VI отделом Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия, журналы и протоколы заседаний которого публиковались в 1906 году в «Церковных Ведомостях» и были вновь напечатаны «Обществом любителей церковной истории» и издательством Новоспасского монастыря в 2014 году.

Наконец, последний из основных источников — это дело 15 «Об учреждении Уральской епархии» фонда 796 Российского государственного исторического архива (РГИА), опись 190, VI отделение, III стол.

В рамках настоящего доклада кратко рассматриваются основные события, связанные с ходатайством 1905–1907 годов о единоверческом епископе, а также уделяется внимание ранее неопубликованным документам по данному вопросу.

Итак, в 1905 году сложились наиболее благоприятные обстоятельства для составления нового ходатайства о единоверческом епископе: во-первых, 17 апреля этого года был издан Высочайший указ «Об укреплении начал веротерпимости», который по словам автора статьи в журнале «Правда Православия» за 3 ноября 1906 года, «освободил руки и открыл уста единоверцев», а во-вторых, «Бог устроил так, что к этому времени явились и люди, пожелавшие послужить устройству единоверия»¹. Эти люди — старосты трех санкт-петербургских единоверческих церквей: Никольской на Николаевской улице — Филипп Павлович Кручинин, Покровско-Димитриевской — Григорий Иванович Сандин и Николо-Миловской — Павел Григорьевич Гулин. Они усердно откликнулись на призыв перешедшего в начале 1905 года на служение из Казани

в Санкт-Петербург священника Симеона Шлеева о возбуждении данного ходатайства.

Поводом для такого ходатайства стали участвовавшие случаи недоразумений, происходивших у единоверцев с епархиальными начальствами по вопросам несоблюдения Правил единоверия 1800 года², а также возможность ухода в Белокриницкую иерархию немалого числа единоверцев в результате издания указа «Об укреплении начал веротерпимости». По словам священномученика Симона, именно ходатайство о единоверческом епископе стало «спасительным клапаном для единоверия. Им были спасены многие от ухода в Австрийщину»³.

С самого начала обсуждения возможного ходатайства покровителем единоверия и авторитетным советчиком по данному вопросу стал епископ Антоний (Храповицкий) Волынский, который был готов, если на то была бы воля Святейшего Синода, стать первым единоверческим архиереем.

9 мая 1905 года состоялась встреча отца Симеона Шлеева с Обер-Прокурором К. П. Победоносцевым, который не возражал против дарования единоверцам епископа, но просил не торопиться и указывал на то, что очень многое зависит от личности самого епископа, находя имевшихся в то время архиереев не подходящими для такой миссии⁴.

В конце мая 1905 года были избраны три посланца от столичных единоверческих приходов: князь А. А. Ухтомский, студент Казанской духовной академии Виктор Алексеевич Поярков (в будущем архиепископ Иоанн Уфимский) и уставщик Никольской единоверческой церкви Санкт-Петербурга Григорий Фомич Громов, отправившиеся в провинциальные единоверческие приходы для сбора подписей под прошением о даровании епископа, составленного от лица вышеупомянутых старост Санкт-петербургских церквей⁵. При этом князь Ухтомский должен был проехать по приходам, расположенным в верхней и средней части Волги, по реке Каме и ее притокам, В. А. Поярков – вниз по Волге и в Уральской

Участник сбора приговоров-прошений о единоверческом епископе князь Алексей Алексеевич Ухтомский

области, а Г. Ф. Громов – по Европейской части России, исключая Москву⁶.

Посланцам удалось собрать приговоры о поддержке ходатайства о епископе от более чем 120 единоверческих общин. В архивном деле «Об учреждении Уральской епархии» РГИА мы можем видеть значительную часть этих приговоров с подписями священнослужителей и активных членов приходов, при этом большинство приговоров выполнены по стандартной печатной форме, разработанной столичными единоверцами, а некоторые составлены произвольно и содержат в себе отдельные пространственные пожелания представителей данных общин.

Еще до окончания сбора приговоров в Святейший Синод было направлено первое прошение старост Санкт-петербургских единоверческих приходов о даровании единоверческого епископа, и это же прошение предлагалось для подписи членам провинциальных общин.

Председатель VI Отдела Предсоборного
Присутствия епископ Волынский и Житомирский
Антоний (Храповицкий)

В это же время велась бурная полемика между представителями Санкт-Петербургского единоверия и группой московских единоверцев о форме архиерейского управления. Санкт-Петербургский проект ходатайства предусматривал необходимость изъятия единоверческих приходов из ведения епархиальных епископов с целью подчинения их непосредственному управлению самого Синода и сосредоточению управления в руках особого единоверческого архиерея, который был бы причислен к Синоду в качестве члена без епархии⁷. Кандидатом на эту должность предлагалось рассмотреть епископа Антония Волынского. Часть москвичей, от лица которых выступал в печати В.Г. Сенатов, желала викарного единоверческого епископа, видя в этом качестве настоятеля Троице-Введенской церкви протоиерея Иоанна Звездинского.

подавляющее большинство единоверцев поддержало именно Санкт-Петербургский вариант ходатайства о епископе. Упомянутые 120 приговоров были собраны к осени 1905 года и выражали мнения представителей единоверия 31 епархии.

Второе прошение старост Санкт-Петербургских единоверческих церквей Ф. Кручинина, Г. Сандина и П. Гулина было направлено в Святейший Синод с приложением указанных приговоров 6 января 1906 года. А в марте того же года открылись заседания Предсоборного Присутствия, Шестой отдел которого по предложению Обер-Прокурора Святейшего Синода должен был высказать свое мнение по данному вопросу. Председателем этого отдела был назначен епископ Антоний Волынский, а одним из членов отдела — священник Симеон Шлеев. После обсуждения Шестой отдел издал постановление о том, что в случае осуществления проекта об организации митрополичьих округов, в каждом из таких округов была бы учреждена одна кафедра единоверческого епископа, при этом все единоверческие приходы митрополии подчинялись бы ему на началах ставропигий или подворий⁸. Во втором пункте постановления говорилось о том, что «подчинив единоверческих епископов митрополитам или митрополичьим округам, допустить в Первопрестольном граде съезды единоверческих епископов под председательством русского первосвященителя или иного иерарха (единоверческого или великороссийского чина) по его указанию»⁹. Таким образом Шестой отдел Предсоборного Присутствия предлагал дать единоверцам больше, чем они просили в своих ходатайствах.

В мае 1906 года Святейший Синод рассмотрел рапорт Преосвященного митрополита Санкт-Петербургского Антония с прошением старост, попечителей и прихожан единоверческих церквей города Санкт-Петербурга о разрешении устроить в июне 1906 года в Санкт-Петербурге съезд представителей единоверческих приходов в России для обсуждения нужд Единоверия¹⁰, при этом

данное прошение нашло поддержку и Шестого отдела Предсоборного Присутствия, о чем 18 апреля того же года сообщил в своем представлении Святейшему Синоду епископ Волынский и Житомирский Антоний¹¹. Ходатайство столичных единоверцев о съезде, как и о епископе, было подкреплено и прошениями провинциальных единоверцев.

Однако оба ходатайства не были удовлетворены, так как Предсоборное Присутствие прекратило свои труды в декабре 1906 года, а Поместный Собор был отложен на неопределенный срок и созван только в 1917 году.

Единственным ощутимым результатом ходатайства единоверцев 1905–1906 годов и работы Шестого отдела Предсоборного Присутствия стало учреждение Уральской епархии, которая по ходатайству Шестого отдела должна была быть единоверческой, ввиду преобладающего в Уральском крае старообрядческого и единоверческого населения¹², но по сути стала обычной викарной кафедрой.

Последним по хронологии прошением единоверцев в архивном деле РГИА является Всепочтительнейшая докладная записка священника Симеона Шлеева, поданная им единолично Обер-Прокурору Святейшего Синода Петру Петровичу Извольскому 5 января 1907 года. Данная записка будущего единоверческого святителя, ранее никогда не публиковавшаяся, представляет собой 24-страничный документ, в котором автор пространно высказывается о нуждах единоверия. Приведем некоторые места записки, которые позволяют лучше понять то, в чем понимал важность наличия единоверческого епископа и ценность самого единоверия будущий священномученик Симон. Как видно из нижеследующих цитат, особенное внимание он уделял сохранению общинного устройства единоверческих приходов:

«Общинная приходская жизнь, по понятиям единоверцев, это самый существенный нерв церковного организма, слава Церкви, Ее святыня»¹³.

«В общине, а таковы все приходские единоверческие общества, довольно удоб-

Инициатор ходатайства
о единоверческом епископе
священник Симеон Шлеев

ная почва для насаждения грамотности и некоторого рода обязательности обучения. Чтобы с полной сознательностью посещать храм Божий, считаться полноправным членом своей общины-прихода, прихожанин должен поступать в детстве в школу. Благодаря такой связи Церкви и школы, последняя в единоверческом приходе всегда бывает церковно-приходской школой.

Общинное начало, поддержанное в единоверческом приходе ради примера для остальных православных, возвратило бы Русской Церкви правильность всех Ее жизненных проявлений, тем самым восстановило бы Ее из того оскудения духа, которое Она в настоящее время испытывает, и открыло бы в Ней обширные, временно иссякшие источники обновления и силы. <...>

Общинность в приходской жизни есть прямая, сама по себе естественная сила в деле

единения верующих, связывающая последних крепкими узами любви и единомыслия, и верное средство к религиозному одушевлению. И эту благотворную общинность не создать сверху грядущей реформой общеправославных приходов; ее даст скорее спасительное Единоверие, обновленное и освобожденное от ограничений, имеющее единомысленного себе епископа. Начала церковной жизни нельзя навязывать; они слагаются постепенно и передаются от одного поколения другому нитями живого предания. Где историческое предание порвано (в общеправославных приходах оно порвано с Петра I), там намечаемые начала приходской жизни теряют свою жизненность, являются тусклыми в общем церковном сознании»¹⁴.

«Единоверие – это единение старобрядцев с Церковью при их верности своему староотечественному и святоотеческому укладу церковной жизни. Уклад этот – строгая общинность приходской жизни.

Итак, Единоверцы просят подчинить их единомысленному епископу не ради чего-либо, как только для полномочного сохранения общинного строя единоверческих приходов, проникающего сверху до низу устройство этих приходов»¹⁵.

Второй важный аргумент в прошении отца Симеона – это содействие единоверческого епископа в сохранении богослужебного чина:

«...Единоверцы просят все это не только ради своей приходской организации и жизни, но и для охранения богатства своего благочинного, соединенного с монашеской дисциплиной богослужения, питающего в народе нашем дух благочестия»¹⁶.

«Лучше нет средства утвердить деятельную веру в людях, как истовое, благочинное богослужение. <...> Единоверческое совершение богослужения свободно от полулютеранского, полукатолического понимания службы. Оно чуждо высокомерного отношения к уставным поклонам, постам и стояниям; оно не наполняет службу произвольными эффектами, безобразной итальянской музыкой, соединенной всегда с опущением

важнейших песнопений праздника и доводящей содержание тех или других чинопоследований до степени крайнего однообразия и безличия.

Единоверцы дорожат богатством своего богослужения и всячески стараются сберечь его и, если просят себе единомысленного епископа, то стараются через его власть беречь свою уставную, истовую церковную службу во всей ее полноте от посягательств на нее своего духовенства. Ибо это последнее, пользуясь равнодушием епархиального начальства к жизни единоверия и его незнанием единоверия, злоупотребляет своим положением и произвольно, вопреки желанию народа, сокращает богослужение, или делает его в видах скорости торопливым, а отсюда и малопонятным. Между тем, лишенное своих красот и содержания единоверческое богослужение перестает производить надлежащее впечатление на присутствующих; вместо восторга и умиления молящийся единоверец выносит от службы лишь горькое чувство недовольства и разочарование. <...>

В случае непредоставления единоверцам права в лице единомысленного с ними епископа, по-настоящему охраняющего безнаказанно расхищаемое у них духовное богатство, в результате и в единоверии явится полное религиозное богословское невежество, соединенное притом с равнодушием, коим характеризуется современное православное общество. Древний тип православного, любящего храм Божий, знающего, понимающего и любящего церковную службу, окончательно вымрет и среди единоверцев, сначала в городах, а потом в деревне, уступая место другому типу – равнодушного религиозного невежды»¹⁷.

Записка отца Симеона, как, впрочем, и иные документы архивного дела РГИА «Об учреждении Уральской епархии», содержит много других фактов и идей, подробное исследование которых представляет большой интерес для всех интересующихся историей единоверия и мировоззрением единоверцев данной эпохи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Правда Православия» № 10. 3 ноября 1906 года. С. 11.
2. *Епископ Симон*, «Единоверие в своем внутреннем развитии (в разъяснение его малораспространенности среди старообрядцев)». М., 2004. С. 311.
3. Там же. С. 317.
4. «Глагол времен» № 12. 3 декабря 1906 года. С. 12.
5. *Епископ Симон*, «Единоверие...». С. 322–323.
6. Там же. С. 329.
7. Там же. С. 328.
8. Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. М., 2014. С. 120.
9. Там же.
10. РГИА. Ф. 796. Оп. 1. VI отд. 3 стол. Д. 15. С. 44.
11. Там же. С. 40–41.
12. Журналы... С. 146.
13. РГИА... С. 123 об.
14. Там же. С. 124.
15. Там же. С. 125.
16. Там же.
17. РГИА... С. 125 об.–126.

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОЙ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ТИПОГРАФИИ

История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего¹.

Н. М. Карамзин

Единоверие есть совокупность приходов Русской Церкви, единых с ней по вере, но различающихся от нее в обряде. Единоверцы совершают богослужения по старопечатным, т. е. до патриарха Никона изданным, книгам².

Священномученик Симон (Шлеев), единоверческий епископ Охтенский

Учреждение в 1800 году единоверия впервые после почти столетнего перерыва сделало возможным легальное переиздание неисправленных богослужебных книг, выпущенных при первых пяти русских патриархах. 12 февраля 1820 года указом Святейшего Синода была открыта единоверческая типография при московской Троице-Введенской единоверческой церкви. На протяжении всего XIX века она оставалась единственной типографией, удовлетворявшей потребности в богослужебных и святоотеческих книгах не только единоверцев, но и старообрядцев Российской империи, поскольку до 1905 года

существовал запрет на устройство собственно старообрядческих типографий.

Данный очерк посвящен 200-летию Московской единоверческой типографии; долгой и непростой предыстории ее открытия; издательской деятельности на протяжении почти ста лет; роли в истории московского и российского единоверия; вкладу в сохранение древнерусских богослужебных традиций и духовно-нравственных основ русского общества. Судьба Московской единоверческой типографии — первая глава в истории единоверческой книгоиздательской деятельности и единоверческой книжности, которая продолжается и поныне.

У ИСТОКОВ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ КНИЖНОЙ ТРАДИЦИИ: ЧЕЛОВЕК И КНИГА НА РУСИ

Для культуры Руси издревле было характерно благоговейное отношение к книге. Чтение книг было глубокой духовной потребностью древнерусского человека, не мыслящего себе жизнь без молитвы, без богослужения. Вспоминая мысль свящ. П. А. Флоренского о том, что храмовое богослужение представляет собой синтез искусств³, можно сказать, что помимо архитектуры, иконописи, пения, в этот синтез входила и книга как неотъемлемый элемент богослужения.

Письменное, книжное слово воспринималось на Руси с особым уважением, благоговением и доверием. О пользе чтения книг еще в домонгольской Руси писали летописцы и составители сборников духовных поучений. Один из первых составленных на Руси сборников византийских и русских текстов — «Изборник 1076 года» — начинается «Словом о чтении книг»: «Полезно, братья, чтение книг каждому христианину, ибо сказал блаженный: "Хранящие откровения Его всем сердцем — взыщут Его". Что это — "хранящие откровение Его"? Читая книги, не старайся быстро читать от главы до главы, но вдумайся, о чем говорят книги и слова их, трижды возвращаясь к каждой главе. Ибо сказано: "В сердце моем сокрыл я слова Твои, чтобы не согрешить пред Тобою". Не сказано "устами лишь произнес", но "в сердце сокрыл, чтобы не согрешить пред тобою", — подразумеваемая глубины написанного, направляемый ими. Скажу и я: "Узда и правит конем, и сдерживает его, сущность же праведного — в книгах его". Ни корабля без гвоздей не сделать, ни праведника — без чтения книг, и как у пленников на уме родители их, так у праведника — чтение книг. Воину красота — оружие, а кораблю — паруса, так и праведнику — чтение книг... Послушай же жития святого Василия и святого Иоанна Златоуста, и святого Кирила Философа, и многих других святых, как о них говорят впервые о них поведавшие: с детства предавались они святым книгам, а после и на добрые дела

подвиглись. Смотри же, что начало добрым делам в поучении книг святых! Так вот, примером этих святых и подвигнемся мы на путь жития их и на дела их, и станем всегда научаться их книжным словом, исполняя их волю, как велят они; тогда и будем достойны мы вечной жизни»⁴.

Книга на Руси была свята своим содержанием, а переписывались чаще всего Евангелие, Апостол, Псалтырь. Эта нить восхищения перед священными книгами, начатая в XI веке, длится через века. Мы можем встретить ее продолжение, например, в дневниковой записи 1946 года замечательного писателя Бориса Шергина: «О вечная юность, вечное возрождение, вечная благодатная сила, вечное светлое могущество, вечное существование и пребывание евангельских событий! Евангельские события, явления, словеса и благостные дела Сына Божия — это весна, вечно благоухающая, это цветы неувядаемые, непрестанно льющие свой аромат, это звезды, непрестанно сияющее, солнце немеркнущее, обновляющее душу твою, и мою, и всего рода человеческого... Вот Четвероевангелие десятого века, а вот двенадцатого. У меня в руках Тетроевангелие времен Михаила Федоровича. Но не в письменах, не в строках и буквах, не в дате написания или издания дело. Евангелие живо и живет вне буквы, вне записи и книги. Всякое слово и деяние, запечатленное евангелистами, настолько чудодейственно и благодатно, что и помимо того, что Евангелие собрано в книгу, оно несказанным, неизреченным, неизъяснимым образом и делом живет во вселенной... Утром открою оконце, и в мой подвал глянет вечное светлое небо. Открою и страницу Евангелия, отсюда в дряхлеющую, убогую мою душу начнет струиться весна вечной жизни»⁵.

Древнейшая русская летопись «Повесть временных лет» говорит нам о том, что великий князь Владимир любил книжное чтение, а великий князь Ярослав Мудрый

Миниатюры из рукописных книг XVI века «Ефрем Сирий» (слева) и «Лествица» (справа)

«к книгам проявлял усердие, часто читая их и ночью и днем. И собрал книгописцев множество, которые переводили с греческого на славянский язык. И написали они много книг, по которым верующие люди учатся и наслаждаются учением Божественным. Как бывает, что один землю распахнет, другой же засеет, а третьи пожинают и едят пищу неоскудевающую, так и здесь. Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Этот же засеял книжными словами сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение получая книжное. Велика ведь бывает польза от учения книжного; книги наставляют и научают нас пути покаяния, ибо мудрость обретаем и воздержание в словах книжных. Это реки, напоющие вселенную, это источники мудрости, в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они узда воздержания. Если поищешь в книгах

мудрости прилежно, то найдешь великую пользу для души своей. Кто ведь книги часто читает, тот беседует с Богом или со святыми мужами. Читая пророческие беседы и евангельские и апостольские поучения и жития святых отцов, получаем для души великую пользу»⁶.

Уже в домонгольской Руси (с X до середины XIII века), по подсчетам Б. В. Сапунова, книжный фонд насчитывал не менее 130–140 тысяч томов рукописных книг. К XIV веку на русский язык были переведены многие творения святых отцов – Василия Великого, Григория Нисского, Иоанна Златоуста, Дионисия Ареопагита, Иоанна Дамаскина, Феодора Студита и многих других.

Любовь к чтению назиданий святых отцов сохранялась на Руси до XVII века, когда они начали издаваться уже в печатном виде. Примером может служить книга

Страницы книги «Апостол»
первопечатника диакона Иоанна Феодорова

«Поучения Ефрема Сирина», ставшая одним из излюбленнейших чтений древнерусского человека. Изданная большим форматом в 700 страниц, она «приводила в восторг русских людей того времени... В ней красной нитью проходила боязнь Господа, неусыпная бдительность, раскаяние, постоянное памятование о смерти, о Судном дне»⁷. В предисловии издателей говорилось: «Кто бо святого сего преподобного отца Ефрема наказания слыша – и не умилился и не прослезился? <...> Блудный вместо блужения приносит целомудрие, лихоиметель – давания и прочая <...> Сий преподобный отец и блаженный Ефрем своими словесы вселенную удиви и бесчисленные тысячи душ

сладостию своих словес к Богу обрати <...> И сего убо ради всяк правоверный христианин, не токмо инок, но и мирянин, прочитая сию книгу, умилился душою и сокрушится сердцем и смирится умом <...> и себе подвижет на богоугодные детели спасения ради души своя»⁸. Это духовное горение, питаемое святоотеческими книгами, не угасало в русских людях, молившихся по древнему, дореформенному чину и в последующие века. Мы можем чувствовать этот огонь в дневниках Бориса Шергина: «Книга как человек. Книга – мир богатейший собран в ней... Все перед тобой оживает, как только книгу раскроешь. Дела их, речи, поступки живые, яркие, блестящие, искрящиеся. Люди

патериков, они более живы, чем все мы, еще таскающие ноги по земле. Посмотри, повторяю, на в черном переплете патерики. Какая сила, какая мысль, какие характеры, какой героизм! Сколько света, воли! И все это чудным, дивным образом собрано, осталось в малой книжице. Такая книга, как оконце в мир светлый, бодрый, радостный, здоровый... Книгу такую раскроешь — как из черной ночи в золотой, вешний день войдешь; из нищеты в богатство. Да, я-то беден, нищ, а царское одеяние у меня на полке. Я-то озяб, трясусь, а летнее солнце у меня вон стоит. Я-то болен, а вон лекарство вечное, испытанное. Я в грязи, а вон моя баня. Я в тосках, в печалях, а вон моя радость. Протяни руку... Я в безумии, а вон верный разума наставник. Воистину книга такая — "царство небесное дома родилось" (Аввакум Петров). Я слепну телесными глазами, а она книга очи душевные раскрывает. Ты заблудился, а она путеводитель. Ты голоден, а она святая книга — хлеб неистощимый»⁹.

Традиционным для русского книжника становится сравнение своего труда с трудом пчелы, собирающей сладость по многим цветам. В «Молении Даниила Заточника» говорится: «Я, княже, ни за море не ездил, ни у философов не учился, но был как пчела — припадая к разным цветам и собирая мед в соты; так и я по многим книгам собирал сладость слов и смысл их и собрал, как мех воды морские»¹⁰.

Древнерусский читатель не просто получал новые знания, но еще и наслаждался как смыслом прочитанного, так и самим процессом чтения. Один из крупнейших знатоков древнерусской литературы Д.С. Лихачев отметил, что «каждое произведение Древней Руси рассчитано не на обычное беглое чтение, а на прилежное "книжное почитание" в поисках книжной мудрости и книжного наставления. Если бы можно было представить себе древнерусского читателя за чтением его любовно переписанных от руки книг, то, наверное, это чтение было особенно истовым, торжественным и благоговейным»¹¹.

Издравле и до сего дня русские рукописные книги поражают своим совершенством и красотой, Мастера книги обладали глубокой художественной культурой, утонченным вкусом¹². Заказные и вкладные книги часто имели богатые оклады. Переплеты многих таких книг окованы золотом, серебром и выложены драгоценными камнями, украшены эмалью. Например, особой роскошью и художественным совершенством отличается оклад Мстиславова Евангелия XII века. (хранящегося в настоящее время в Государственном историческом музее). Верхняя доска переплета украшена драгоценными камнями, жемчугом, финифтью и тонкой филигранью. Архидиакон Павел Алеппский, посетивший Россию во второй половине XVII века, описал вкладное Евангелие царя Михаила Федоровича, украшенное изумрудами, сапфирами, рубинами и эмалью, увиденное им в Троице-Сергиевой Лавре, а ныне хранящееся в Оружейной Палате Московского Кремля: «Что касается Евангелия, то мы не видывали подобного по обилию чистого золота и драгоценных камней и по его искусной отделке, приводящей ум в изумление»¹³. В XX веке писатель и библиофил Евгений Осетров в своей книге поделился подобным впечатлением, пронизанным живым чувством истории и любовью к родному прошлому: «Многие рукописи одевались в массивные переплеты — оклады, украшались драгоценными камнями и многоцветными сияющими эмалями. Когда я вижу на темно-серебристом фоне оклада голубовато-зеленое пятно, излучающее неожиданно радостный, светлый и глубокий свет, то моему взору представляются образы и события прошлого, свидетелем которого был этот драгоценный камень. В глубине камня — и зарево пожаров, и праздничное полыханье свечей, и глаза воинов, и изнуренные лица подвижников»¹⁴.

В искусстве создания рукописной книги было важно и значимо всё: письмо, соотношение текста и полей, миниатюры, заставки, инициалы, переплет. Это составляло одно единое гармоничное целое. Рукописная

книга восхищает красотой письма, для которого в XI–XIV веках использовался устав. По словам выдающегося русского палеографа В. Н. Щепкина, уставное письмо характеризуется как «медленное и торжественное, имеющее целью красоту, правильность и церковное благолепие, отличающееся архитектурным характером линий»¹⁵. С конца XIV века первенствующее значение получает полуустав, именованный также «книжным письмом».

Для написания заглавий и отдельных букв применялось золото, сусальное или твореное.

Всегда привлекали внимание читателя в рукописных книгах их украшения. К художественным украшениям книги относятся миниатюры, заставки, вязь, инициалы, концовки, полевые украшения, маргинальные рисунки.

Миниатюры — живописные изображения, иллюстрировавшие средневековые книги. На Руси для обозначения иллюстрированных книг существовали понятия: «рукопись сряженная», «обряженная» и «лицевая». Термины «рукопись сряженная», «обряженная» относились к орнаменту и переплету, а лицевой называлась книга с изображением лиц, о которых повествовала книга.

Заставка находилась перед началом книги, перед отдельными ее главами или толкованиями, поучениями. Заголовок обычно помещался после заставки. Он писался киншварью, чернилами, с использованием желтой и синей красок, иногда покрывался золотом. С конца XIV века заголовок стал выписываться вязью, в которой буквы связывались в орнамент. С XVII века он стал заменять в тексте заставки.

Концовка часто представляла собой особое художественное завершение главы или всей книги в виде графического рисунка или воронки.

Встречались в рукописных книгах полевые украшения — узоры на полях, иногда называемые цветками.

Инициалы были самым распространенным и разнообразным украшением рукопис-

ной книги — большие и изукрашенные заглавные буквы, или буквицы, отмечающие начало отдельных глав, чтений. Большое количество инициалов выписывалось в Евангелиях-апракос, содержащих чтения на каждый день.

Переплет книги также был художественно оформлен. Он состоял из двух досок, на кожаной поверхности которых с помощью тиснения помещались орнаменты, иногда с позолотой. Для сохранности книг к переплетам крепились кожаные застежки, нередко представлявшие собой особые произведения ювелирного искусства. Иногда золотом с тисненым орнаментом или цветным басменным покрывался обрез.

Неудивительно, что книги берегли, как драгоценнейшие сокровища. В старинных книгах встречаются, например, такие записи: «Горе тому, кто черкает у книг по полям, на том свете бесы исчеркают ему лицо железом», «Эту книгу ни продати, ни отдати нельзя»¹⁶.

С появлением на Руси книгопечатания задачи художественного оформления книги не утратили своей роли. О художественном облике древнерусских книг так писал историк искусства А. Н. Свирин: «Необыкновенная простота, гармоничность композиции. Текст окружен широкими полями разной величины, как бы ограничивающими внимание. Поля гармоничны по размерам, прекрасно обрамляют текст, несколько сдвинутый к середине: написанный киншварью унциал, без всяких орнаментальных украшений, начинает строчку, производящую художественное впечатление. Такая раскрытая книга пленяет необыкновенной пропорциональностью и простотой построения... Введение книгопечатания в России принесло в рукописное искусство новые орнаментальные элементы. Растительный орнамент печатных книг, состоящий из двух цветов — черного и белого, иногда обогащался золотом, использовался книгописцами в украшении заставок и инициалов»¹⁷.

«Совершенное полиграфическое оформление, — пишет классик полиграфии Ян Чихольд, — есть скорее наука, нежели искусство. Овладение ремеслом — непременно

Страницы книги Тетроевангелие с вкладной надписью,
изданной Московским печатным двором в 1644 году

условие, но это еще не все, необходим и уверенный вкус, отличающий совершенный труд и опирающийся на ясное знание законов гармонического оформления»¹⁸. Вкус и глубокое понимание законов гармонии, без сомнения, были присущи диакону Иоанну Федорову. Общеизвестно, что его «Апостол» — шедевр типографского искусства. «Основная черта первопечатной книги, — писал А.А. Сидоров, — ее целостность, последовательность ее художественного облика, ее "стильность". Эта книга такого же рода высокоценное и внутренне единое создание русской национальной культуры, как храм Василия Блаженного, башни Кремля, как "парсуна", древнейший портрет»¹⁹. «По сравнению с анонимными изданиями «Апостол» оформлен строже,

архитектоничнее, более закономерно построен и выдержан во всех своих элементах... Созданный на основе рукописного образца шрифт диакона Иоанна Федорова представляет образец типографского искусства. Это выявлено в строгом ритмическом строе шрифта, в точных размерных данных его построения, что дает ровную прямую строку. В отличие от анонимных изданий в "Апостоле" четко выверенные края полосы набора. С художественной точки зрения особая контрастность шрифта придает пластичность странице, взаимодействующей с композицией других элементов оформления»²⁰.

Историк Л.В. Черепнин отмечал: «Первопечатную московскую продукцию можно поставить в связь, с точки зрения

Страницы книги Тетроевангелие,
изданной Московским печатным двором в 1644 году

графики, орфографии, орнамента, с рукописными произведениями, писавшимися по распоряжению митрополита Макария. Первопечатные книги отражают особенности близких к ним по времени рукописей. Их шрифт воспроизводит полуустав, распространенный в рукописных памятниках Москвы и Новгорода. Влияние рукописной книги на печатную сказалось и в расстановке ударений, в характере вязи и заставок и т. д.»²¹ Высокий художественный уровень первых русских печатных книг неслучаен, поскольку первопечатники были продолжателями рукописных оформительских традиций.

Московский Печатный Двор в первой половине XVII века был крупнейшей типографией в Европе. Изданные им книги были шедеврами, которые остаются непререкаемыми авторитетами в области типографики даже до сего дня. Приведем описание Москов-

ского Печатного Двора из книги историка русского раскола: «Печатный двор был как никогда раньше в расцвете. С 13 июня 1645 года он обладал роскошным каменным зданием, построенным для него на Никольской улице. Монументальный подъезд, украшенная живописью и скульптурой башня высотой в три сажени свидетельствовали об уважении царей к печатному искусству; в нижнем этаже находились два цеха набора и восемь печатных станков; этажом выше были помещения справщиков, редакторов и корректоров. В глубине участка сохранили деревянное строение с четырьмя печатными станками. Прежний корпус, прислонившийся к стене Китай-города, служил складом. Машины были украшены золотом и серебром. Каждая выпускаемая книга была оформлена как произведение искусства. Печатный двор продолжал свою плодотворную деятель-

ность, начатую в 1640 году. Не пренебрегая книгами в полном смысле слова богослужебными, он был занят больше, чем раньше, выпуском новых книг для назидания и образования верующих»²².

Три первых периода русского книгопечатания — федоровский (середина 1560-х годов — середина 1580-х годов), послефедоровский (до начала Смуты) и время Московского Печатного Двора (1615–1652) дали Русскому государству и Русской Православной Церкви многие плоды. Большими тиражами (чаще всего по 1200 экземпляров) были напечатаны все необходимые богослужебные книги: Апостол, Евангелие, Псалтырь, Триоди, Минеи, Устав («Око церков-

ное»), отдельные службы. Печатались жития, учительные книги, сочинения в защиту православной веры, катехизисы, а также учебные книги — Азбуки и Буквари. Известно, что с 1615 по 1652 год репертуар Московского Печатного двора составил 253 книги.

Благодаря трудам печатников эпохи, предшествовавшей трагедии русского церковного раскола, многие последующие поколения русских людей, ценивших древние богослужебные обряды и не мысливших своего бытия без древних русских церковных традиций, получили возможность пользоваться этим богатейшим книжным наследием.

Продолжение следует

По материалам дипломной работы А. Ю. Лобаня

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Карамзин Н. М. Полное собрание сочинений: В 18 т. Т. 1.: История государства Российского. М., 1998. С. 131.
2. Шлеев С., свящ. (епископ Симон Охтенский). Единоверие в своем внутреннем развитии (в разъяснение его малораспространенности среди старообрядцев). М., 2004. С. 7.
3. Флоренский П. А., свящ. Храмовое действо как синтез искусств // Сочинения в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 376–382.
4. Из Изборника 1076 года. Слово некоего старца о чтении книг / Пер. В. В. Колесова // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН.
5. Шергин Б. В. Праведное солнце: Дневники разных лет. — СПб.: Библиополис, 2009. С. 379–380.
6. Повесть временных лет. Ч. 1 / Текст и перевод. Подготовка текста Д. С. Лихачева. Перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950 (Сер.: Лит. памятники). С. 285, 302–303.
7. Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало Раскола / Пер. с фр. С. С. Толстого; Науч. ред. перевода Е. М. Юхименко. М.: Знак, 2010. С. 179.
8. Цит. по: Паскаль П. Указ. соч. С. 179.
9. Шергин Б. В. Указ. соч. С. 40–41.
10. Памятники литературы Древней Руси. XII век / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М.: Худ. лит.; 1980. С. 399.
11. Лихачев Д. С. Литературные памятники Киевской Руси // Художественная проза Киевской Руси XI–XIII веков / ред. Д. С. Лихачев, И. П. Еремин. М.: Худ. лит.; 1957. С. IV.
12. Свириль А. Н. Искусство книги Древней Руси XI–XVII вв. М.: Искусство, 1964. С. 10.
13. Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. — <https://azbyka.ru>
14. Осетров Е. Живая древняя Русь. М.: Просвещение, 1984. — <https://rulit.me>
15. Щепкин В. Н. Русская палеография. М.: Наука. 1967. С. 106.
16. Осетров Е. Указ. соч.
17. Свириль А. Н. Указ. соч. С. 26, 28.
18. Чихольд Я. Облик книги: Избранные статьи о книжном оформлении. М.: Книга. 1980. С. 11.
19. Цит. по: Шигал А. Г. Русский типографский шрифт. М., 1985. С. 26.
20. Там же.
21. Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956. С. 333.
22. Паскаль П. Указ. соч. С. 179.

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ

ПОЧИТАНИЕ ИЕРУСАЛИМСКОЙ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ ИЗ БРОННИЦ В XX–XXI ВЕКАХ

Продолжение, начало в № 1(2018) – 5–6(2019)

ЗАКРЫТИЕ БРОННИЦКИХ ЦЕРКВЕЙ И ПЕРЕНЕСЕНИЕ ИЕРУСАЛИМСКОЙ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ ИЗ БРОННИЦ В МАЛАХОВО

ЗАКРЫТИЕ БРОННИЦКОГО СОБОРА

Бронницкий Михаило-Архангельский собор и Иерусалимская церковь были закрыты в марте 1931 года. Поводом, использованным властями для того, чтобы закрыть эти храмы, стало то обстоятельство, что в соборе более года не совершались богослужения. В постановлении о закрытии бронницкого собора читаем:

Принимая во внимание, что т[ак] н[азываемый] собор в гор[оде] Бронницах не используется верующими в течение четырнадцати месяцев и верующие удовлетворяют все свои религиозные потребности в другой функционирующей церкви гор[ода] Бронниц, необходимость в приспособлении пустующих культовых зданий под клуб и столовую, на что имеются соответствующие средства, руководствуясь постановлением ВЦИК и СНК от 8/IV–29 года санкционировать закрытие летней и зимней церкви б[ывшего] собора, здания их передать в распоряжение Бронницкого РИКа для указанных целей¹.

Богослужения в соборе перестали совершаться по одной причине — из-за того, что в 1929 году было арестовано все соборное духовенство. В ноябре 1929 года Коломенское ГПУ обвинило настоятеля бронницкого собора протоиерея Иоанна Успенского в антисоветской деятельности. Он был арестован и ему было предъявлено обвине-

ние по статье 58-10. Кроме отца Иоанна был арестован бронницкий протоиерей Александр Кедров и несколько членов церковного совета. Все они обвинялись в антисоветской деятельности. В действительности, конечно, никакой «черносотенной монархической группировки» (как говорилось в деле) в Бронницах не существовало: просто члены церковного совета, не имея возможности заплатить налог, которым была обложена община, организовали сбор необходимых средств. Кроме того, священники и члены приходского совета, видя неуклонное желание властей закрыть бронницкие храмы, неоднократно обсуждали, как можно этого избежать. Но тогдашние власти считали такие действия контрреволюционной деятельностью и 29 января 1930 года Судебная коллегия ОГПУ рассмотрела дело бронницких соборян, обвиненных по статьям 58-10 и 58-11 Уголовного кодекса. Протоиереи Александр Кедров и Иоанн Успенский были приговорены к пятилетнему заключению в концлагере. К пятилетнему заключению также были приговорены члены церковного совета бронницкого собора В.А. Тарасов, Е.И. Казаков, П.А. Мелков, О.П. Саблина и Е.И. Сидорова и староста кладбищенской церкви И.А. Бубнов².

В это же время за антисоветскую деятельность был осужден и протоиерей

Михаило-Архангельский собор в Бронницах.
1950-е годы

Соборная площадь в Бронницах.
1930-е годы

Иоанн Добров. Следователь, который вел бронницкое дело, предложил выделить в отдельное производство дело священника Никитской церкви села Софьи́на Георгия Воздвиженского и протоиерея Иоанна Доброва, служившего тогда в Москве в Знаменской церкви в Зубове. Вскоре отец Иоанн был арестован и ему было предъявлено обвинение в контрреволюционной деятельности, монархизме и помощи заключенным — при обыске у него были обнаружены письма Ивана Георгиевича Айвазова, известного миссионера и специалиста по русскому сектантству. Следствие было очень быстрым: 23 ноября 1929 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило отца Иоанна к трем годам заключения в лагере. Из заключения отец Иоанн так и не вышел — 1 октября 1933 года он скончался в тюремной больнице города Сыктывкара. Священник Георгий Воздвиженский также был арестован и сослан в Северный край³.

Осуждение бронницкого духовенства и членов церковного совета было в сущности одним из этапов активно проводившейся властями кампании по закрытию бронницких церквей. За месяц с небольшим до ареста соборян, 25 сентября 1929 года бюро Бронницкого райкома ВКП(б) приняло решение о закрытии собора:

СЛУШАЛИ: 9. О ходе кампании по закрытию собора в гор. Бронницах

ПОСТАНОВИЛИ: Бюро РК считает кампанию за закрытие собора законченной, кампания дала 2150 голосов в городе за закрытие из общего числа избирателей 2186 чел. голоса распределяются.

а) Члены профсоюзов, куст[арно-]пром[ышленных] артелей 805 чел.

б) Красноармейцы и их семьи 700 чел.

в) Крестьяне, домохозяйки, члены семьи не организованного⁴ населения 645 чел.

Таким образом все избиратели голосовали за закрытие собора.

Гостиный двор в Бронницах.
Из собрания Музея истории города Бронницы

2. Бюро РК отмечает, что Агитационная компания за закрытие собора выявила здоровое настроение⁵ избирателей, стремящихся вместе с партией развить хозяйство и культурность города, так же агиткомпания показала антерелигиозный⁶ подъем трудящихся [зачеркнутое слово] ни одного голоса не раздалось в защиту церкви и религии среди трудящихся. Антирелигиозные⁷ лекции и собрания прошли с подъемом. Попытка классового врага путем контр-агитации противопоставить⁸ трудящихся партии не встретила сочувствия⁹, эти выступления бывш[его] купечества и церковников потерпели крах.

Бюро райкома исходя из этого постановляет:

1. Продолжить и дальше антерелигиозную¹⁰ пропаганду. Усилить О[бщест]во воинствующих безбожников. Шире развить работу по привлечению в союз новых членов.

2. Предложить фракции РИКа возбудить ходатайство перед ВЦИК о закрытии церкви, одновременно разработать вопрос о наиболее целесообразном использовании данного помещения¹¹.

Формальным поводом для закрытия собора стал опрос жителей Бронниц. Большинство опрошенных высказались за закрытие собора, но мы видим, что опрошены были далеко не все жители Бронниц, а лишь те, в чьем ответе райком партии не сомневался. В частности, треть опрошенных — это личный состав расквартированного в Бронницах 108-го артиллерийского полка (на который была, в частности, возложена идеологиче-

Соборный комплекс в Бронницах.
1950-е годы

ская работа), а также члены семей военно-служащих. По данным 1924 года, в Бронницах проживало 3727¹² человек — стало быть, мнение около полутора тысяч человек власти просто проигнорировали. Поражает и обилие грубейших ошибок в тексте документа. Но в тот день судьба бронницких церквей была решена: власть приняла решение их закрыть.

После ареста протоиереев Иоанна Успенского и Александра Кедрова бронницкий Михаило-Архангельский собор и Иерусалимская церковь остались без священников. Остается непонятным, почему вместо арестованных клириков в собор не были назначены другие священнослужители, как это делалось в других приходах? Учитывая решение властей о закрытии собора, можно предположить, что на епархиальное управление было оказано давление. Во всяком случае, в 1930 году в Михаило-Архангельском соборе и Иерусалимской церкви богослужения не совершались, и это обстоятельство дало властям возможность спустя год закрыть эти храмы и использовать церковные здания по своему усмотрению: в соборе был размещен Бронницкий районный архив, а Иерусалимская церковь была превращена в зернохранилище.

Вскоре после закрытия храмов бронницкого соборного комплекса была закрыта и Михаило-Архангельская старообрядческая церковь, находившаяся на Московской улице. Произошло это в 1935 году¹³. После

этого в Бронницах осталась лишь одна действующая церковь — Успенская кладбищенская церковь, судя по всему, в то время принадлежавшая обновленцам.

История обновленческого движения в Бронницах практически не изучена, однако можно с уверенностью говорить о том, что кладбищенский Успенский храм был передан обновленцам в 1927 году. Об этом свидетельствуют документы из архива Административного отдела Моссовета. 28 января 1927 года начальник милиции Бронницкого уезда сообщил в Административный отдел Моссовета, что в Бронницах, кроме уже зарегистрированной православной общины, появилась еще одна группа верующих, желающая получить Успенскую церковь, и пояснил, что *«разделение группы верующих происхо[дит] ввиду того, что вновь организуемая групп[на име]ет расхождение в отношении некоторых ц[ерков]ных обрядов»*¹⁴. В тот же день в Управление Бронницкой уездной милиции из Административного отдела Моссовета был направлен ответ, из которого следовало, что он не возражает против передачи Успенской кладбищенской церкви *«отделившейся группе верующих»*¹⁵. Очевидно, речь идет именно об обновленцах. Кроме того, упоминание о том, что в Бронницах были обновленцы, содержится в бюллетене обновленческого Синода Московскому епархиальному управлению от 15 октября 1926 года,

сообщавшем о положении обновленческого движения на территории СССР¹⁶.

В Центральном государственном архиве Москвы хранится дело 1927 года о регистрации религиозной общины при Успенской кладбищенской церкви города Бронниц¹⁷. Из документов этого дела известно, что настоятелем церкви в то время был священник Иоанн Алексеевич Морозов, 52 лет, живший в селе Воскресенском Рождественской волости Бронницкого уезда¹⁸. В списке прихожан — 51 человек¹⁹, по сравнению с приходом собора и Иерусалимской церкви — совсем немного.

Успенская кладбищенская церковь в Бронницах была закрыта в июне 1941 года. В решении Мособлисполкома от 6 июня 1941 года говорилось, что *«собор и Успенская кладбищенская церковь бездействуют, имущество культа из них изъято»*²⁰. Формулировка этого решения указывает на то, что в течение некоторого времени перед закрытием в Успенской церкви не было священника. В 1920-е годы власти покровительствовали обновленцам из-за их просоветских взглядов и обновленческие церкви, в отличие от «староцерковных», практически никогда не закрывали, но к концу 1930-х годов ситуация существенно изменилась и местное начальство, закрывая храмы, уже не обращало внимания на их «ориентацию», как в те годы было принято говорить.

ПЕРЕНЕСЕНИЕ ИЕРУСАЛИМСКОЙ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ ИЗ БРОННИЦ В МАЛАХОВО

После закрытия бронницкого Архангельского собора и Иерусалимской церкви Иерусалимская икона Богородицы была перенесена в церковь великомученика Димитрия Солунского в селе Малахове. До сих пор не известно ни одного письменного источника, который сообщал бы об этом событии, зато за прошедшие с тех времен семьдесят лет сложилось немало устных рассказов об этом. Рассказы эти бытуют и в Бронницах, и в Малахове; при сравнении разных повествований нередко обнаружива-

ются существенные расхождения. Попробуем разобраться и понять, как все происходило на самом деле.

Существуют две версии рассказа о переносе Иерусалимской иконы Богородицы из Бронниц в Малахово: одна распространена в Малахове и его окрестностях, а другая — в Бронницах; стало быть, их можно условно назвать «малаховской» и «бронницкой» версиями одного и того же рассказа. Согласно «малаховской» версии, в несколько отличающихся друг от друга вариантах хорошо

известной жителям Малахова и окрестных деревень 1910–1920-х годов рождения, после закрытия бронницких церквей икона пропала (согласно одному из вариантов этого повествования икона была конфискована военными прямо во время крестного хода). Через некоторое время, в самом конце 1930-х или в начале 1940-х годов, икона была обнаружена верующими в соборе, или в Иерусалимской церкви, или где-то на складе, где ею было закрыто окно или дверной проем, и перевезена ими в Малахово. Иногда в устных рассказах упоминаются имена тех, кто участвовал в перевозе иконы. Например, в 2000 году пожилая жительница Маркова рассказывала автору этих строк, что икону перевезли в Малахово некий церковный староста Павел (фамилию она не помнила) и его жена, и что это было зимой — икону, по ее словам, везли на санях²¹. В последние годы стало известно предание, согласно которому Иерусалимскую икону в 1943 году обнаружил Виктор Федосеев из Малахова (в то время ему было тринадцать лет). Иконой было закрыто разбитое окно на складе зерна в Бронницах. После того, как Виктор рассказал в Малахове о своей находке, местные жители уговорили солдат, охранявших склад, отдать им икону в обмен на щит из теса, которым можно было закрыть выбитое окно. Именно эта версия появления Иерусалимской иконы в Малахове изложена на сайте малаховского прихода:

После закрытия храма «Иерусалимской иконы Божией Матери» в г. Бронницы чудотворная икона была утеряна, а в 1943 году житель с. Малахова 13-летний мальчик Виктор Федосеев обнаружил эту икону, ей был закрыт выбитый оконный проем в складском помещении г. Бронницы, где хранилось зерно.

После возвращения в село Виктор рассказал прихожанам Димитриевского храма о том, что видел чудотворную икону, после чего прихожане вместе с Виктором отправились за иконой в г. Бронницы. Добравшись до места, прихожане стали уговаривать солдат, которые охраняли этот склад, чтобы они отдали икону. А вместо нее

обещали поставить деревянный щит на место выбитого окна. После длительных переговоров солдаты согласились отдать икону, а взамен получили обещанный щит из теса, на который прихожанами были собраны не малые деньги, так как во время войны стройматериалов не хватало. С благоговением вынув икону, они положили ее на телегу и привезли на лошадке в с. Малахово и поставили ее в Димитриево-Солунском храме около правого клироса. В этом же году Священный Синод Р.П.Ц. благословил пребывание иконы в Димитрие-Солунском храме в селе Малахово²².

«Малаховская» версия рассказа о переносе Иерусалимской иконы содержится и в выпущенном Московской епархией в 2004 году томе под названием «Монастыри и храмы Московской епархии», содержащем краткие сведения об истории всех подмосковных приходов:

В храме [села Малахова. — П. Ч.] хранится чудотворная Иерусалимская икона Божией Матери, написанная в 1551 г. В первые годы Великой Отечественной войны ею закрыли выбитый оконный проем в одном из храмов в Бронницах, занятом под склад. В 1943 г. по ходатайству прихожан села Малахово и с благословения Священного Синода Иерусалимскую икону перенесли в Димитриевскую церковь²³.

В процитированных рассказах говорится о том, что перенос иконы из Бронниц в Малахово получил официальное церковное одобрение. Но обращение к журналам заседаний Синода, хранящимся в Государственном архиве Российской Федерации, позволяет установить, что ни в 1943, ни в 1944 годах вопрос об Иерусалимской иконе Богородицы Синодом не обсуждался²⁴. Такие вопросы должны были решаться на епархиальном уровне.

«Бронницкая» версия рассказывает о переносе иконы по-другому: согласно этой версии, Иерусалимская икона Богородицы не пропала, а сознательно была спрятана верующими бронничанами в городской булочной. Эти рассказы довелись в 1990-е годы слышать

протоиерею Георгию Пищулину, служившему в бронницком соборе с 1991 по 2017 год: бронницкие старушки, приходившие на богослужения, рассказывали ему о том, что после закрытия церквей икону спрятали в булочной. Аналогичные рассказы слышала от старожилов и заместитель директора по научной работе Музея истории города Бронницы Ирина Александровна Сливка.

Кроме того, именно «бронницкую» версию рассказа о переносе Иерусалимской иконы считал верной протоиерей Сергей Лавров, много лет прослуживший в Покровской церкви села Игумнова.

Протоиерей Сергей Лавров (1911–2001) был рукоположен в диакона в 1949 году и назначен в Никольскую церковь села Малышева Раменского района Московской области²⁵. В 1955 году он был рукоположен в священника и назначен настоятелем Покровской церкви села Игумнова Раменского района, в которой прослужил вплоть до своей смерти в 2001 году²⁶. Согласно его рассказу, записанному Георгием Петровичем Чистяковым в 1970-е годы²⁷, после закрытия бронницких церквей некий благочестивый человек спрятал Иерусалимскую икону Богоматери в булочной, замуравов ее в стену:

В двадцатые годы нашелся благочестивый человек, который тайно замуровал икону в стене булочной, где она была скрыта в течение двадцати лет. Кое-кто из местных жителей знал, что в стене спрятан этот образ: некоторые украдкой крестились на него. В начале сороковых годов икону изъяли из тайника, чтобы поместить в храм с. Малышево (близ ж[елезно]д[орожной] ст[анции] Бронницы). Некоторые утверждают, что икона была открыта по видению: говорят, будто некоему человеку явилась Богородица и сообщила, что пришло время перенести Ее чудотворный образ в Божий храм. Однако поместить икону в деревянном храме с. Малышево не разрешили. Тогда она была принесена в Малахово, где находится донныне. По рассказам очевидцев, в Малахово икону привезли замазанной белой краской. Открыть изображение удалось только специально приглашенным мастерам²⁸.

Церковь великомученика Димитрия Солунского в селе Малахово. 1950-е годы. ЦГАМО

Таким образом, существуют две версии этого события, имеющие, при множестве отличий, одну общую черту: временное местонахождение иконы связывается со стеной, дверью или окном. При рассмотрении «бронницкой» и «малаховской» версий рассказа о переносе Иерусалимской иконы Богоматери из Бронниц в Малахово возникает важный вопрос — какая из этих версий ближе к истине?

Анализ всех известных нам обстоятельств позволяет предположить, что более достоверна «бронницкая» версия.

Источники свидетельствуют, что в конце 1920-х годов верующие бронничане прекрасно понимали, что в недалеком будущем они могут лишиться главной городской святыни: в то время планировалось изъятие Иерусалимской иконы Богоматери и передача ее в музей. Об этих планах свидетельствует архивный документ из фонда Московского отдела народного образования, датированный 21 апреля 1928 года и адресованный Бронницкому уисполкому:

Гостиный двор в Бронницах.
Из собрания Музея истории города Бронницы

В дополнение к отношению Главнауки НКП от 10/VIII–26 г. Музейный П/Отдел МОНО сообщает, что икона так называема[я] Иерусалимская в соборе Михаила в Бронницах, как большая художественная ценность подлежит немедленно изъятию из церкви и доставке в Гос[ударственные] реставрационные мастерские г. Москвы.

Одновременно сообщается, что ввиду ценности икона не может быть выносима из помещения церкви впредь до ее изъятия³⁰.

Копия этого документа была направлена общине верующих Михаило-Архангельского собора – стало быть, члены приходского совета знали, что в скором времени икона может быть отобрана у них Музейным подотделом Московского отдела народного образования. Вероятно, именно после получения этого документа у верующих бронницан и возникла мысль о необходимости спрятать икону в надежном месте. Когда именно эта мысль была претворена в жизнь, мы пока не знаем. Возможно, это произошло в 1929 году во время судебного процесса над бронницким духовенством и членами церковного совета, а, может быть, несколько позже, перед самым закрытием собора: в таком случае члены общины могли объяснить отсутствие иконы общей неразберихой, неизбежной при таких трагических событиях.

Не исключено, что у бронницких верующих было еще одно соображение, побудив-

Церковь великомученика Димитрия Солунского
в селе Малахове. 1980-е годы

шее их спрятать икону в надежном тайнике. В соответствии с постановлением ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 года богослужебные предметы из закрытого храма могли быть переданы в ближайшую действующую церковь. После закрытия собора и Иерусалимской церкви таковой была бы признана кладбищенская Успенская церковь, судя по всему, в те годы принадлежавшая обновленцам. Быть может, члены приходского совета боялись, что обновленцы захотят забрать себе эту известнейшую святыню? Известно, что обновленцы стремились получить почитаемые святыни: это привлекало в их приходы больше верующих, что позволяло рассчитывать на увеличение приходских доходов.

Итак, становится понятно, что верующие бронницане боялись лишиться главной городской святыни и решили спрятать ее в надежном месте. Теперь возникает вопрос: почему в качестве тайника для иконы была выбрана именно булочная?

Очевидно, что икону прятали те, кто непосредственно ведал различными приходскими делами – скорее всего, члены церковного совета. Духовенство вряд ли могло принимать в этом участие – судя по всему, икону прятали в тот момент, когда и священник Александр Кедров, и священник Иоанн Успенский уже были арестованы. К тому времени также были арестованы члены

церковного совета: Василий Афанасьевич Тарасов, Егор Исаевич Казаков, Петр Афанасьевич Мелков, Ольга Петровна Саблина и Евдокия Ивановна Сидорова, а также староста кладбищенской церкви — Илья Архипович Бубнов. Стало быть, спасением Иерусалимской иконы занялись те из бронницких верующих, кто в то время оставался на свободе.

Изучение регистрационного дела общины бронницкого собора 1925 года³¹ показало, что одним из членов приходского совета («двадцатки») в то время был булочник Иван Никитич Рогожин³², живший в Бронницах в доме 10 по Карповскому переулку, а в списке прихожан собора указаны его сыновья — Михаил Иванович, Алексей Иванович и Иван Иванович Рогожины, работавшие в булочной, а также его дочь — Екатерина Ивановна Гамза и ее муж — Михаил Яковлевич Гамза, работавший бухгалтером³³. По всей видимости, Иван Никитич, не понаслышке знавший о бедах, надвигающихся на бронницких верующих, предложил членам приходского совета спрятать икону в булочной.

Бронницкая булочная находилась в Гостином дворе — здании, хорошо знакомом бронницким старожилам. Гостиный двор был построен бронницкими купцами в начале 1830-х годов в самом центре Бронниц — на Дворянской (ныне Советской) улице, прямо напротив собора. Гостиный двор был двухэтажным, с внутренним двором, со стороны фасада, выходившего на Дворянскую улицу, была арка. К великому сожалению, это историческое здание в советское время не реставрировалось, сильно обветшало и было безжалостно снесено на рубеже 1960-х и 1970-х годов.

Хлеб, продававшийся в бронницкой булочной, выпекали в пекарне, находившейся совсем рядом. Об этой пекарне в самом начале 2000-х годов рассказывала Олимпиада Ивановна Ласкина (1901–2003), хорошо помнившая старые Бронницы:

На месте «Юбилейного» магазина когда-то находилась пекарня. Ее хозяином был Иван Матвее-

вич Гамза, пузатенький, черненький, кудрявый. Женился на Екатерине Ивановне Рогожиной. Иван Матвеевич очень хорошо организовал торговлю. У него были сдобы и пирожные, хлеб и печенье. Все готовили его кондитеры³⁴.

Эта пекарня упоминается и в сборнике «Бронницкий уезд», изданном в 1928 году. В статье из этого сборника, посвященной промышленности Бронницкого уезда, сообщается, что в то время в пекарне было три печи и в ней работало тринадцать рабочих³⁵.

Рассказ о бронницкой булочной, относящийся к временам Великой Отечественной войны, содержится в воспоминаниях уроженца Бронниц Алексея Алексеевича Латрыгина³⁶, описывающего Бронницы военного и послевоенного времени:

По фасаду Гостиного двора располагались магазины «Молоко», «Книги». Однако больше всего запомнился магазин «Хлеб» в центре. Во время войны хлеб выдавали по карточкам, но его все равно не хватало. Хлебопекарня была рядом, у самой дороги, где сейчас находится магазин «Юбилейный». Занимали очередь за хлебом с вечера. Чтобы сохранить очередь, на ночь назначали дежурство, записывали номера на руках, а утром выбирала из очереди людей поздоровее для доставки хлеба из пекарни, т. к. в очереди были одни старики и дети. Взрослые были на фронте или на работе. Хлеб таскали в магазин в корзинах. Те, кто носил, получали хлеб без очереди. Народу в магазин набивалось столько, что нечем было дышать. У прилавка стоял столб, поддерживающий потолок. На него был ориентир движения очереди. Продавщицу звали Мотя. Она неторопливо отрезала карточки, наклеивала их на картонку, т. к. была строгая отчетность, и вешала положенные граммы хлеба³⁷.

Местные жители вспоминают, что булочная славилась замечательной выпечкой, за которой иногда даже приезжали из Москвы. Пекарня действовала до 1960-х годов, а затем была закрыта и снесена. На ее месте был построен универмаг «Юбилейный», своим названием обязанный пятидесятилетнему

юбилею Октябрьской революции, праздновавшемуся в 1967 году³⁸.

Олимпиада Ивановна в своем рассказе называет Гамзу Иваном Матвеевичем, однако, согласно списку бронницких прихожан, его имя и отчество — Михаил Яковлевич. По прошествии многих лет Олимпиада Ивановна вполне могла забыть имя бронницкого булочника, перепутав его с кем-то другим (может быть, с его тестем — Иваном Никитичем?). Но упоминание жены Михаила Яковлевича — Екатерины Ивановны Гамза (урожденной Рогожиной), свидетельствует о том, что речь идет об одном и том же человеке.

Из списка прихожан бронницких церквей, составленного в 1925 году, следует, что Ивану Никитичу Рогожину в то время было шестьдесят шесть лет. Происходил Иван Никитич из крестьян, до революции занимался торговлей³⁹. Михаилу Яковлевичу Гамзе в 1925 году был сорок три года. Как и у тестя, его занятием до революции была торговля⁴⁰. Но Михаил Яковлевич, скорее всего, не успел принять участие в переносе иконы из Иерусалимской церкви в булочную: в 1928 году он умер. Об этом свидетельствует одно из дел Бронницкого народного суда, хранящееся в Бронницком городском архиве⁴¹.

Итак, стало понятно, что Иерусалимская икона Богородицы была спрятана в булочной в конце 1920-х годов. Но теперь возникает вопрос: при каких обстоятельствах икона была извлечена из тайника?

Протоиерей Серий Лавров не был очевидцем переноса Иерусалимской иконы из Бронниц в Малахово, но до него, судя по всему, дошли какие-то разговоры или, быть может, обрывки разговоров об этом событии. Кто-то говорил, что были люди, знавшие, что икона спрятана в булочной, поэтому они старались там перекреститься. Рассказывали и о том, что иконы была обнаружена благодаря видению: некоему человеку явилась Богородица и сказала, что настало время вернуть икону в церковь. Все эти истории многократно пересказывались, поэтому трудно определить точные обстоятельства обнаружения иконы в булочной.

Исчерпывающий ответ может дать свидетель — и совсем недавно Ирина Александровна Сливка нашла очевидца этого исторического события — жительницу Бронниц Екатерину Ивановну Качановскую.

Екатерина Ивановна Качановская (урожденная Бубнова) родилась в Бронницах 13 января 1937 года в семье бронницкого печника Ивана Ивановича Бубнова, в самом конце 1937 года арестованного по печально известной 58 статье и сгинувшего в сталинских лагерях. Ее детство прошло в Гостином дворе — квартира, в которой жили Бубновы, находилась на втором этаже, окна выходили на Советскую улицу. Войти нужно было со двора. В их подъезде на первом этаже, рядом с лестницей, была большая двустворчатая дверь — она вела в небольшую лавку. На памяти Екатерины Ивановны дверь эта всегда была закрыта, и лавка тоже всегда была закрыта: со стороны фасада можно было увидеть запертую дверь и два окна этой лавки. Дети, жившие в Гостином дворе, часто играли в подъезде, рядом с этой запертой дверью, но никто никогда не задумывался, что же находится внутри. Но однажды летним солнечным днем 1949 или 1950 года (Екатерина Ивановна не запомнила год, но помнит, что в то время ей было двенадцать или тринадцать лет) дети, как обычно, играли на лестничной площадке, и произошло удивительное событие. Во время игры Екатерина Ивановна ударилась спиной о дверь, и дверь неожиданно приоткрылась (потом выяснилось, что крючок, державший дверь изнутри, от удара выскочил из кольца). Детям стало интересно, они заглянули внутрь — и увидели там спрятанную икону, занимавшую весь дверной проем. Вот как об этом рассказывает Екатерина Ивановна:

У нас что-то было такое, что мы хотели какой-то спектакль показать, у нас много детей было: кто может мостик делать, кто еще что-то, даже какие-то пирамиды... И вот мы там пытались это все делать — на этой площадочке. Я как-то стояла, или меня толкнули — и я спиной — и вдруг дверь на меня открылась. Прямо со спины. <...>

Нам интересно: дверь-то открылась, никогда не открывалась – и мы ее открыли совсем, а она широкая такая – открыли и закричали: «Картина! Картина!» Во всю дверь. Она была как бы внутри – такой широкий порог, и она вот за порогом. <...> Крючок толще моего пальца был, такой здоровый крючок, чугунный <...> и петля – то ли раскочакали <...> значит, была закрыта сначала изнутри эта дверь, раз крючок был закрыт, а потом закрыли этой иконой⁴².

Дети не поняли, что перед ними икона, и приняли ее за картину. Это не удивительно: бронницкие церкви в то время были закрыты, и увидеть икону было непросто. Но в это время сверху спустилась тетя Екатерины Ивановны – Наталия Ивановна Комиссарова – и сказала детям: «Это не картина, это икона». Наталия Ивановна принесла веник и очистила икону от паутины, а потом поставила перед ней свечу.

Известие о том, что в Гостином дворе нашли Иерусалимскую икону Богородицы, сразу же распространилось по городу, и люди стали приходить поклониться ей. Екатерина Ивановна вспоминает, что приходили многие. А спустя несколько дней икону увезли в Малахово. При этом присутствовала Екатерина Ивановна – она видела, как икону вынесли из Гостиного двора и увезли:

Ну, вот увозили [икону]... где-то я была что ли, только иду – уже ее несут – вот это я хорошо запомнила – две женщины и мужчина. В середине [двора] лошадь здесь стояла, телега, в центре, и вот я это хорошо помню, что лошадь стояла и телега, на телеге было сено, ее положили и мужчина развернул лошадь, и они пошли – куда сестра была – и они пошли пешком – две женщины и мужчина. <...> Ну и народ был, спрашивают: «А куда, куда?» Сказали, что повезли ее в Малахово, в храм. <...> А я запомнила Малахово, потому что у нас Малаховы жили. <...> Ну и я знала, что тетя за реку туда ездила, я так и поняла, что она ее туда отдала⁴³.

Наталия Ивановна Комиссарова была прихожанкой малаховской церкви, поэто-

му она приняла решение увезти икону в Малахово. Название этого села, прозвучавшее в разговоре тех, кто в тот день стоял во дворе Гостиного двора, хорошо запомнилось Екатерине Ивановне потому, что было созвучно фамилии соседей – Малаховых. Икона, будучи положена на телегу, заняла все место, поэтому люди, перевозившие ее, были вынуждены преодолеть весь путь от Бронниц до Малахова пешком. Екатерина Ивановна вспоминает, что в то время не было моста и через Москву-реку переправлялись на пароме.

В архиве малаховского прихода сохранилась фотография, на которой запечатлена Иерусалимская икона Богородицы, судя по всему, только что привезенная в Малахово. Икона стоит на том же месте, где она находится сейчас, только не в киоте, а просто на полу, рядом с ней – диакон в облачении (судя по всему это отец Петр Кабалин, впоследствии ставший священником и настоятелем малаховского храма) и две женщины в темной одежде и черных платках – видимо, это те самые женщины, которых Екатерина Ивановна видела возле Гостиного двора. Возникает вопрос: не был ли третьим участником переноса иконы диакон Петр Кабалин? Может быть, именно он приехал в Бронницы за иконой вместе с двумя малаховскими прихожанками?

Ценнейшее свидетельство Екатерины Ивановны Качановской позволяет уверенно говорить об обстоятельствах перенесения Иерусалимской иконы Богородицы из Бронниц в Малахово. Выясняется, что это событие произошло несколько позже, чем считалось ранее – не в 1943 году, а в 1949 или 1950 году. В то время в Малахове служили священник Леонид Лебедев и диакон Петр Кабалин. А загадочная закрытая лавка в Гостином дворе, где на протяжении двух десятилетий находилась икона, была, судя по всему, как-то связана с булочной. Надо сказать, что в 1940-е годы булочная находилась совсем рядом с этим помещением, но ее переносили с места на место – в более раннее время булочная была в другом

Церковь великомученика Димитрия Солунского
в селе Малахове. 2001 год

конце здания. Мать Екатерины Ивановны Качановской — Анна Михайловна Бубнова — видела, как в эту закрытую лавку, находившуюся под их квартирой, после закрытия бронницких церквей складывали иконы из них.

Возможно, более обстоятельное изучение помещений Гостиного двора позволит понять, чем торговали в лавке, где была спрятана икона, и как это помещение было связано с булочной.

Возникает еще один вопрос: каким образом в рассказах об Иерусалимской иконе появилась характерная для «малаховской» версии идея, что икона пропала незадолго до закрытия собора? Судя по всему, о том, что икона спрятана в булочной, знали немногие — поэтому в окрестностях Малахова и распространился рассказ о том, что икона была утеряна. Также возникает вопрос о происхождении повествования об обнаружении Иерусалимской иконы тринадцатилетним мальчиком Виктором Федосеевым. Рискну предположить, что герой этого рассказа действительно забрался в Иерусалимскую церковь, использовавшуюся в 1940-е годы как зернохранилище, и видел там иконы. А позднее его рассказ был соотнесен с историей о том, что Иерусалимская икона была найдена в Бронницах детьми. В итоге и возникла история, ныне изложенная на сайте малаховского прихода.

Таким образом, в 1949 или 1950 году Иерусалимская икона из Бронниц оказалась в Дмитровской церкви села Малахова. В этой церкви бронницкая святыня находится по сей день.

Продолжение следует

Петр Георгиевич Чистяков

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Протокол № 5, п. 51 заседания Президиума Мособл-исполкома от 14–15 марта 1931 года. См.: ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 718. Л. 359. Цит. по: *Вайнтрауб Л. Р.* Собор Архангела Михаила в Бронницах. М., 2005. С. 174–175.
2. *Вайнтрауб Л. Р.* Собор Архангела Михаила в Бронницах. М., 2005. С. 163–170.
3. Там же. С. 170–172.
4. Так в тексте.
5. Так в тексте.
6. Так в тексте.
7. Так в тексте.
8. Так в тексте.

9. *Вайнтрауб Л. Р.* Указ соч. Так в тексте.
10. Так в тексте.
11. ЦГА Москвы. Ф. П-90. Оп. 1. Д. 2. Л. 55–56.
12. ГА РФ. Ф. Р-5677. Оп. 5. Д. 180. Л. 8.
13. *Михайлов С. С.* Старообрядчество города Бронницы: История храма и общины. М., 2013. С. 33.
14. ЦГА Москвы. Ф. Р-1215. Оп. 1. Д. 357. Л. 12.
15. Там же. Л. 11.
16. ЦГА Москвы. Ф. 2303. Оп. 1. Д. 17. Л. 55–56.
17. Там же. Ф. Р-1215. Оп. 4. Д. 40.
18. Там же. Оп. 4. Д. 40. Л. 6.
19. Там же. 3–4 об.
20. Решение Мособлисполкома от 6 июня 1941 года. См.: ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 2205. Л. 8. Цит. по: *Вайнтрауб Л. Р.* Собор Архангела Михаила в Бронницах. М., 2005. С. 180–182.
21. Полевые записи автора, 2000 год, село Марково Раменского района Московской области.
22. Сайт храма вмч. Димитрия Солунского в селе Малахове. Режим доступа: <<http://malaxovo.prihod.ru/svyatini>>. Полевые записи автора...
23. Монастыри и храмы Московской епархии. М., 2004. С. 413.
24. См.: ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 2а. Журналы заседаний Священного Синода (копии) (13 сентября 1943 – 28 декабря 1944).
25. ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 2. Л. 212.
26. Протоиерей Сергей Лавров [некролог] // Московские епархиальные ведомости. 2001. № 11–12. Подробную биографию протоиерея Сергея Лаврова см. также: *Никонов В. В., Шабанова И. Е.* Покровский храм села Игумнова Раменского района: Исторический очерк. Гжель, 2015. С. 166–203.
27. Священник Георгий Чистяков (1953–2007) в 1970-е годы, будучи еще мирянином, общался с протоиереем Сергием Лавровым и записал его рассказ о перенесении Иерусалимской иконы Богородицы из Бронниц в Малахово и о протоиерее Петре Кабалине – настоятеле Дмитровской церкви села Малахова. Эта запись представляет собой краткий конспект рассказа о Сергия.
28. Запись рассказа протоиерея Сергея Лаврова об Иерусалимской иконе Богородицы из Бронниц, сделанная Г. П. Чистяковым в 1970-е годы. Архив автора.
29. Край листа (одна буква не поместилась).
30. ЦГАМО. Ф. 966. Оп. 4. Д. 1789. Л. 5.
31. Регистрационное дело общины бронницкого собора 1925 года см.: ЦГА Москвы. Ф. Р-1215. Оп. 1. Д. 342. Л. 174–203 об.
32. ЦГА Москвы. Ф. Р-1215. Оп. 1. Д. 342. Л. 186 об. – 187.
33. Там же. Л. 177 об. – 178.
34. *Сливка И. А.* «В Бронницах жили очень трудолюбивые люди» (из рассказов Олимпиады Степановны Ласкиной) // Из истории Бронницкой земли: Сборник краеведческих работ. Вып. 2. Бронницы, 2013. С. 458.
35. Бронницкий уезд. Экономический сборник с рисунками в тексте и приложением карты уезда. М., 1928. С. 234.
36. Алексей Алексеевич Латрыгин (1934[?]–2014) – уроженец Бронниц, сотрудник 21-го НИИ.
37. *Латрыгин А.* Рассказы бронницкого старожила. [Бронницы], 2003. Режим доступа: <<http://xn--btbeew3aadadre6f6c.xn--p1ai/?action=lenta&id=134>>.
38. Эти сведения автору сообщила Ирина Александровна Сливка.
39. ЦГА Москвы. Ф. Р-1215. Оп. 1. Д. 342. Л. 186 об. – 187.
40. Там же. Л. 177 об. – 178.
41. Бронницкий городской архив. Ф. 106. Оп. 1. Д. 695. Дело по иску Гамзы Екатерины Ивановны о введении ее в права наследства после смерти мужа Гамзы Михаила Яковлевича (1928–1929).
42. Беседа с Екатериной Ивановной Качановской, 20 декабря 2019 года. Бронницы. Архив автора.
43. Там же.

ДЕТСКИЕ СТРАНИЦЫ

МОНАХИНЯ СЕРАФИМА (ОСОРГИНА). БЛАЖЕНИ ЧИСТЫЕ СЕРДЦЕМ

ПО КНИГЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА
ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ТИХОНОВСКОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДОЛЖЕНИЕ, НАЧАЛО В № 4 (86) 2019 г.

Все это не мешало Сережику быть веселым, живым, жизнерадостным мальчиком, шалуном — и каким шалуном! Достаточно было посмотреть на эту круглую веселую рожицу, увидеть его исцарапанные, грязные коленки, ручки, которые так и лезли в карманы, что строго запрещалось. А в карманах-то чего-чего не бывало! Всякие сокровища в виде камешков, железок, пробок, веревоч-

чек — самые мальчишеские карманы. И при этом глаза, такие глаза — сияющие, веселые, искрящиеся. В них — и свет, какой-то внутренний, и жизнь, и шалость детская. Но шалости его были просто шалости. Никогда ничего плохого в них не было.

Семи лет Сережик поступил в русскую гимназию. Все там его знали как веселого шалуна, которого и из-за стола не раз выгоняли за озорство, но все его любили. Бывшие гимназистки с ужасом вспоминают, как он шалил по дороге в автобусе, как перекидывался ранцем с другими мальчиками. Кондукторы автобусов все знали и любили его, да и нельзя было его не любить.

И вот в душе этого веселого, жизнерадостного ребенка глубоко и ясно запечатлелся закон Христов, закон Любви и Правды. В жизни для него все было ясно. Да — да. Нет — нет. А что сверх этого, то от лукавого (Мф. 5,37).

До принятия священства отец Борис с семьей жили в одном из пригородов Парижа, в большом квартирном доме. Сережик часто видел на улице нищих, ожидающих подаяния, с надеждой озирающихся на окна домов и квартир. Видел, как иногда из этих окон нищим кидали монетки. Этого он не мог выносить! Зачем кидают деньги, зачем заставляют нищих нагибаться? Сколько раз он сбегал по лестницам, чтобы подать нищему или же подобрать и подать ему то, что кинули другие. Он спрашивал свою мать: «Можно позвать к нам нищих обедать? Почему ты зовешь к нам обедать людей, которые сыты и хорошо одеты, а не зовешь нищих, которым вправду надо дать есть?» Как трудно ответить на такой вопрос!

Сережик вообще любил нищих. На Пасху в церкви на улице Дарю он просил позволения христосоваться со всеми нищими на паперти и ужасно огорчился, что ему этого не разрешали, огорчился серьезно и не понимал, почему? Фальшь жизни, неправда наших условностей глубоко оскорбляли его.

Отец Борис

Почему в подворье, после прощальной вечерни так хорошо все просят друг у друга прощения, а если потом мы встречаем знакомых и даже родных, то у них не просим прощения? Почему дома, на подворье, у отца Никона перед обедом читают молитву, а у знакомых просто садятся за стол? Почему мы не можем у них прочесть молитву? Ему казалось, что когда прочтут молитву, когда батюшка благословит еду, и еда-то становится вкуснее.

После того как отец Борис сделался священником, Сережика огорчало, что не все подходят под благословение папы, а некоторые здороваются с ним за руку, как с простым человеком, а папа — СВЯЩЕННИК.

Однажды, еще до священства отца Бориса, когда Сережику было всего пять лет, Старки после

ночной службы на Пасху в церкви на улице Дарю собирались ехать разговляться к родным. С собой в церкви у них было десять крашенных яиц. Сережик почти все яйца раздал нищим, одно подарил владыке митрополиту. Приехали к родным. Пасхальный стол, цветы, нарядные платья, веселые лица... Сережику этого было недостаточно. Он все ждал молитвы, ждал «Христос Воскресе». Без этого ему казалось невозможным сесть за стол. Но никто, видимо, не собирался петь молитву. Тогда маленький пятилетний мальчик подошел к своему месту за столом, положил кулачки на стол и запел:

— Христос Воскресе из мертвых!

Шумное веселье взрослых затихло, кругом смолкли. Он допел до конца; как ни в чем не бывало, веселый, радостный сел за стол и начал разговляться. Для него свет Христов светил всегда, освещал и наполнял все уголки его домашней детской жизни.

Вера его была проста и сильна. Он все удивлялся, что когда болят, то зовут докторов:

— Зачем это? Надо просто помолиться или позвать на помощь какому-нибудь святого — и все пройдет!

Так он говорил, и известен случай, когда он по просьбе своей матери помолился о себе и о своей больной сестрице. Это произошло накануне праздника Входа Господня в Иерусалим. У обоих детей была высокая температура и болело горло. Сережик помолился, как обещал, и на следующее утро оба оказались совершенно здоровыми и были у обедни.

С церковной жизнью Сережик сроднился рано, прислуживал в церкви на улице Дарю, всегда одинаково с любовью и радостью собирался в церковь. Прислуживал вместе с папой. Ему было семь лет, когда отец Борис в день святого Александра Невского был посвящен во диаконы. Как Сережик переживал это! Во время Литургии он стоял на правом клиросе, откуда все хорошо видно. В алтаре находился владыка Владимир Ниццкий, который обратил внимание на это сияющее детское лицо и спросил:

Сережик

— Кто этот мальчик с таким ангельским лицом?

Весь этот день Сережик не отходил от отца, ему хотелось сидеть прямо около него. Это был уже не просто папа — «Папик», а папа — духовное лицо, священное, церковное.

Когда отец Борис сделался священником, Сережик всегда прислуживал ему в церкви. Как трогательно и умирительно было видеть их вместе! Высокая фигура отца Бориса — и рядом маленькая фигурка в стихарике, черная головка, поднимающийся кверху нежный детский профиль, внимательные, серьезные черные глаза. В церкви в этих глазах не было и тени обычной шалости. Когда я узнала Сережика, то всегда поражалась той перемене, которая происходила в нем во время богослужения. В его прислуживании в алтаре не было никогда шалости, которую так часто, к сожалению, видишь у мальчиков, раздувающих кадило, играющих с церковными свечами. Нет, прислуживал Сережик всегда с благоговением, с таким особенным, до конца серьезным выражением лица. Это была не внешняя дисциплина, а внутреннее чувство, настоящая молитва. Он чувствовал Бога, ходил пред лицом Божиим. В церкви все для него было свято, все преисполнено дивной стройности и красоты. И он в своем стихарике, около папы, составлял тоже частицу этой стройной гармонии, участвовал в богослужении, со всем усердием детским служил Богу. «Мы с папой служим», — говорил он. И это несколько не мешало ему после службы, выйдя из церкви, начать шалить, бегать, всюду находить что-нибудь интересное, со всеми, с кем только можно, поздороваться, поговорить, набрать в карманы все возможные и невозможные находки.

В церкви он никогда не скучал. Еще совсем крошкой он выстаивал длинные великопостные службы. Выстаивал, не присаживаясь, не шелохнувшись. Мать его рассказывала мне, как один раз, когда ему было пять лет, она была с ним в церкви на улице Дарю у Стояния Марии Египетской. Несколько раз во время длинной службы она наклонялась к Сережику с предложением сесть. Он отказывался. В конце концов он сказал матери:

— Я совсем не устал. Я всегда в церкви читаю молитву Иисусову, и я не замечаю службы!

Он читал молитву Иисусову! «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного...» То, чего многие с трудом, с терпением, со слезами ищут и добиваются годами, — это сокровище молитвы, дыхание молитвы, — было у маленького пятилетнего мальчика...

Откуда он научился молитве Иисусовой? Ни отец, ни мать никогда его этому не учили. В доме у них долго болела и скончалась бабушка Сережика, любимая «Букочка». Сережик слышал разговоры отца Бориса с бабушкой о молитве Иисусовой, видел, что папа сам по четкам молится, все это запоминал,

воспринимал, складывал в своем сердце. Ему очень хотелось самому иметь четки, и как-то в подворье, где он был любимцем всех студентов и иеромонахов, он сказал о своем желании отцу Сергию Мусину-Пушкину. У того как раз были маленькие четочки, в 20 бусин, сделанные из остатков больших четок. Эти четочки Сережик получил в подарок, и сияющий прибежал показать родителям. Мать не хотела, чтобы он молился по четкам, боялась чего-то показного в этом. Вернувшись домой, она взяла у Сережика его четки и повесила на гвоздик к образам. Сережику не позволялось выходить с ними из комнаты. Но иногда он, когда молился, брал их. Иногда его заставляли среди дня перед образами со своими четочками: стоит, молится, потом обратно вешает их на гвоздь.

Часто в метро, в автобусе мать видела, что он шепчет молитву. Глаза серьезные, губы по-детски шевелятся; четок нет, так он пальчиками перебирает. Или вытащит из кармана пачку билетов метро, которые он собирал, и по ним отсчитывает молитву Иисусову.

Он вообще молился удивительно горячо и сознательно. Когда умерла его бабушка (ему было тогда шесть лет), в первый раз после ее смерти он стал на молитву и с трудом мог перевести бабушку из числа живых в число умерших. Он помолился за живых — пропустил бабушку. Но когда начал заупокойную молитву, остановился и вот просто не мог помолиться о бабушке, как об умершей. Уткнется в подушку, поплачет, потом снова станет на молитву, опять дойдет до этого места — и опять остановится.

В заупокойной молитве Сережик просто и реально сознавал души умерших людей. Как-то раз он попал в церковь на улице Дарю во время похорон и слышал, как там поминали «рабу Божию Екатерину». Он внес ее имя в свою молитву и никогда не забывал помянуть. Некоторое время спустя родители спросили его:

— Отчего ты молишься за нее? Ведь ты ее не знал?

— Как не знал? — ответил Сережик. — Ведь мы с ней на улице Дарю встретились.

С тех пор и отец его внес в свое поминание «рабу Божию Екатерину».

Когда Сережик сделался отроком, то есть начал говеть, с ним случалось иногда, что после причастия он совсем менялся. Он, такой веселый, живой, становился молчаливым, ни с кем не разговаривал, отказывался пить кофе, завтракать. Отойдет к окну, серьезно куда-то смотрит, тихий такой, и молчит. Его звали к столу, спрашивали, что с ним. Один раз даже мать спросила отца Никона, духовного отца Сережика, что это значит.

— Оставьте его, не трогайте, — сказал отец Никон.

Продолжение следует

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ЛЕТОПИСЬ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

ДЕТСКИЙ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПРАЗДНИК В ХРАМЕ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА	2
РАБОТА СЕКЦИИ «СТАРЫЙ ОБРЯД В ЖИЗНИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ» ХХVIII МЕЖДУНАРОДНЫХ РОЖДЕСТВЕНСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЧТЕНИЙ	3

ИСТОРИЯ ЕДИНОВЕРИЯ

«ХОДАТАЙСТВО О ЕДИНОВЕРЧЕСКОМ ЕПИСКОПЕ В 1905–1907 ГОДЫ». ДОКЛАД КЛИРИКА ЕДИНОВЕРЧЕСКОГО ХРАМА АРХАНГЕЛА МИХАИЛА СЕЛА МИХАЙЛОВСКАЯ СЛОБОДА ПРОТОИЕРЕЯ ЕВГЕНИЯ САРАНЧИ НА КОНФЕРЕНЦИИ «СТАРЫЙ ОБРЯД В ЛОНЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ» ХХVIII МЕЖДУНАРОДНЫХ РОЖДЕСТВЕНСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЧТЕНИЙ	5
ИСТОРИЯ МОСКОВСКОЙ ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ТИПОГРАФИИ	11

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ

П.Г. ЧИСТЯКОВ. Главы из книги о чудотворной иконе Божией Матери Иерусалимской. Почитание Иерусалимской иконы Богоматери из Бронниц в XX–XXI веках. ЗАКРЫТИЕ БРОННИЦКИХ ЦЕРКВЕЙ И ПЕРЕНЕСЕНИЕ ИЕРУСАЛИМСКОЙ ИКОНЫ БОГОМАТЕРИ ИЗ БРОННИЦ В МАЛАХОВО (ПРОДОЛЖЕНИЕ)	20
---	----

ДЕТСКИЕ СТРАНИЦЫ

МОНАХИНЯ СЕРАФИМА (ОСОРГИНА). Блажени чистые сердцем (ПРОДОЛЖЕНИЕ)	32
--	----

Издание Михаило-Архангельской единоверческой общины

Главный редактор: священноархимандрит Иринарх (Денисов)

Ответственный за выпуск: протоиерей Евгений Саранча

Дизайн и верстка: Я. Хорева

Корректоры: Н. Яшина, П. Чистяков, В. Каменская

Фотографы: прот. Е. Саранча, А. Швец, использованы фотографии из архива СПбФ АРАН,

Музея истории города Бронницы, личного архива В. В. Крюкова

Дорогие читатели, ниже просим вас после прочтения очередного номера нашего издания не использовать его ненадлежащим образом, памятуя о том, что в нем находятся священные изображения и надписания священных имен Господа Иисуса Христа, Пресвятыя Богородицы и святых угодников Божиих.

Если небрежением или по незнанию сделали что неправильно или неискусно, Вы, православные христиане, простите нас, Христа ради, да и Вас простит Господь Бог наш. Аминь.